

УДК 355.4
ББК 68
Н69

Дизайн серии *Дмитрия Агапонова*
В оформлении издания использованы иллюстрации
из архива Shutterstock

Предисловие и комментарии профессора РГГУ
Александра Маркова

Перевод с английского
Александра Зайцева

Нитобэ, Инадзо

Н69 Бусидо : кодекс чести самурая / Инадзо Нитобэ; предисл. и коммент. А. Маркова, пер. с англ. А. Зайцева. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 224 с. — (Популярная философия с иллюстрациями).

ISBN 978-5-17-163670-8

Инадзо Нитобэ — третий сын самой известной семьи самураев из города Мориока на севере Японии. Молодые годы он провел в США, в университете Джона Хопкинса, а после получения докторской степени вернулся на родину. За эти годы он опубликовал множество книг, в том числе на английском и немецком языках, самой известной из которых стала «Бусидо — душа Японии», изданная впервые в 1900 году.

Перед читателем — подробное и достоверное описание японского воинского искусства эпохи феодализма. Однако Бусидо — не просто наука о сражениях, это полноценная философия и уникальный стиль жизни, свойственный только японским самураям. Рожденная из древних традиций, она возмужала поколения бесстрашных и мудрых воинов, стремящихся к познанию и совершенствованию своей жизни. основополагающие принципы Бусидо проникли в самую глубь национального характера Японии и по сей день остаются востребованными, напоминая каждому из нас о важности долга, верности и справедливости.

УДК 355.4
ББК 68

ISBN 978-5-17-163670-8

© А.Н. Зайцев, перевод, 2024
© А.В. Марков, предисловие,
комментарии, 2024
© Издательство АСТ, 2024

Путь самурая: внимание, святость, бессмертие

Бусидо — это не книга, не собрание трудов и не канон текстов. Бусидо — это, по самому названию, путь воина. Это система этики самурая. Как у нас ни одна книга, на обложке которой написано слово «Этика», не исчерпывает науку этики, так и ни один свод Бусидо не исчерпывает бусидо.

Ни один аскетический путь не может быть систематизирован и представлен в виде слов и инструкций. Любые слова — только слепки, следы того, что испытывает человек, вставший на путь воина, вставший на путь самоотречения и борьбы с собой. Невозможно, просто читая книги, стать мистиком какой-либо религии; потому что чтение книг — это всегда создание образов, всегда конструирование представлений, всегда невольное толкование прочитанного по своему вкусу. А подлинный путь самурая, как и путь любого воителя или аскета любой религии, начинается с изменения ума, с отказа от прежних представлений. Пока не произошло своеобразное покаяние, пока не очистилась сама способность понимать благодаря решительности новых слов и поступков, слова книг будут только образами, только слабыми указаниями, только ширмой, но не настоящим знанием.

Бусидо прежде всего имеет свои истоки в конфуцианстве. В 1192 году в Японии окончательно утверждается система сёгуната, правления сёгунов, командующих армиями. Сёгунат — порождение конфуцианской этики и политологии, заимствованной из Китая: сёгун

Бусидо: кодекс чести самурая

беспрекословно служит императору и подавляет любые бунты. Сёгунат — это последовательное государственничество, введенное в феодальной стране. На практике он стал системой делегирования полномочий и найма: император давал сёгуну военные полномочия, а сёгун собирал войско, которое должно было стать самым большим, чтобы в Японии не появилось никакой альтернативы. Понятно, что в таком войске должна была быть жесткая дисциплина и особая этика благородства, чтобы ни у одного самурая не было мотивации перейти на сторону бунтовщиков или защищать чьи-то частные интересы.

В бусидо сочетаются конфуцианство, буддизм и синтоизм, три религии Японии. Конфуцианство учит жесткому самоконтролю перед волей Неба: нельзя никакую свою волю считать до конца достоверной. Но самоконтроль — это практическая этика, близкая греко-римскому стоицизму, этой гражданской философии античности (Нитобэ, автор этой книги, и сопоставляет больше всего бусидо и стоицизм). Самоконтроль — это умение действовать вопреки обстоятельствам, хотя многие обстоятельства вокруг пугают, и кажется уже, что ты потерпишь поражение. Но надо относиться к обстоятельствам как призракам или теням, верно служа самурайскому делу. Обстоятельства меняются, а твоя верность обязанностям и есть твоя совесть, и есть универсальный код и источник советов по правильному управлению страной.

Буддизм дал бусидо саму идею пути, саму идею постоянного совершенствования, воспламенения вдохновением, в котором раскрываются все твои способ-

Бусидо: кодекс чести самурая

ности. Если конфуцианство велит просчитывать все поступки, мыслить стратегически, создавать как бы мысленную стратегическую карту, то буддизм требует жить моментом, в каком-то смысле даже наслаждаться моментом. Только тогда можно воспринять мир как Пустоту, как один большой Подарок, который и делает тебя свободнее. Поэтому буддизм в японском мире можно сопоставить с эпикурейством в греко-римском мире: лови момент, живи одним днем, медитируй, но при этом бодрствуй и не забывай о дарах и талантах, которые не следует зарывать в землю. Хотя, конечно, буддизм в Японии всегда поддерживали монахи дзен, верившие в переселение душ и потому учившие не бояться смерти, — и как раз такой буддизм стал предметом повседневных медитаций каждого самурая: не бойся, прямо сейчас перестань бояться.

Наконец, синтоизм — японское язычество, почитание духов предков и постоянное общение поколений. Для синтоизма любой человек бог или сын богов, и каждый может стать богом. Синтоизм тогда ближе всего из античных учений к школам Пифагора и Платона, и отчасти Аристотеля — эти философы считали себя потомками богов, избранниками, равными богам, которые могут вернуть аристократию на положение богов. Они учили аристократов дружить божественной дружбой, о которой писал Аристотель в «Никомаховой этике», и говорили, что дружба и есть источник бессмертия. Друг, жертвуя собой ради тебя или вспоминая тебя, спасает тебя и делает бессмертным. Дружба стирает грань между памятью и святостью: если ты достоин памяти, то ты явился всем как великое светлое явле-

Бусидо: кодекс чести самурая

ние, как божество — а на твои ошибки и грехи укажет твой лучший друг, и ты станешь по-настоящему свят в веках. Синтоизм для бусидо и был такой школой святости, святых самураев, твоих родных соотечественников, которые оказываются незримыми друзьями всех современных самураев.

Если совсем кратко, конфуцианство учило в бусидо государственным обязанностям, буддизм — равнодушию к смерти и отчаянному героизму, синтоизм — патриотизму как защите своих соотечественников перед лицом умерших святых героев, которые всегда с нами.

Кодификация бусидо началась в эпоху Эдо. При правлении Токугавы Иэясу (1543–1616) было составлено «Уложение о самурайских родах» («Букэ сё хатто»), определявшее нормы поведения самурая на службе и в личной жизни. В этом труде самурай представал как защитник рода и семьи, но одновременно как знаток государственных обязанностей, способный управлять любой областью государственной жизни. Это уложение достаточно схематично, оно скорее напоминает о небывалых достижениях сёгунов и самураев, чем дает подробные инструкции. Инструктивно уже было житийное описание подвигов даймё (крупного феодала) Такэда Сингэна в двадцати томах, авторства Косака Дандзё Нобумаса и Обата Кагэнори. В этом жизнеописании создавался образ идеального самурая, с которым всегда хочется быть рядом, воспроизводить действия которого всегда приятно.

Эволюция кодификации бусидо потребовала учебников для начинающих, которые свяжут боевые искусства и аскетические практики внимания к себе. Такой

Бусидо: кодекс чести самурая

аскетикой для начинающих стал труд Дайдодзи Юдзана (1639–1730) «Начальные основы воинских искусств» («Будо сёсин сю»). В 1716 году вышли 11 томов книги «Сокрытое в листве» («Хагакурэ») Ямамото Цунэтомо, самурая клана знаменитого Сага на южном острове Кюсю. Ямамото после смерти господина, даймё Набэсима Наосигэ, удалился от военных и гражданских дел, стал смиренным монахом, поставившим целью выяснить, в чем состоит честь самурая. Эта честь понималась уже не просто как соблюдение правил и внимание к себе, постоянное испытание своей совести, но как деятельное служение, готовность идти вперед. Ямамото во многом перекодировал этику самурая — это уже этика не защиты феодального порядка, с сохранением всех устоев, но авангардного поведения. Это этика готовности самурая стать примером для других, сделать свой пример ярче. В проекте Ямамото энергия жизнеописаний самураев, о деяниях которых помнили благодаря многим книгам, стала вращать на скорости понимания, доходящего до самых глубин души, отвлеченные тезисы. Эти тезисы засияли во всей яркости.

Так как Бусидо — это не система знаний, а путь во всех смыслах, то изложений Бусидо и сводов много. Наибольшим признанием в мире пользуется то переложение, которое выполнил Инадзо Нитобэ (1862–1933), книга, которую читатель сейчас и держит в руках. Этот потомок семьи славных самураев изучил еще в школьные годы английский язык, учился в университете Джона Хопкинса в США, а докторат получил в одном из самых авторитетных тогда университетов мира — Университете Галле в Германии. Никто как он не знал

Бусидо: кодекс чести самурая

современной английской, немецкой и французской философии — он часто цитировал сейчас полузабытых, но тогда всюю обсуждавшихся и в Европе и США, и в Китае и Японии мыслителей. Он прочел буквально все, что было написано о Японии на английском и немецком языке, и опубликовал несколько книг.

Книга Нитобэ «Бусидо» была опубликована в 1900 году во время командировки в Калифорнию — после 1891 года Нитобэ жил в основном в Японии, где преподавал технические дисциплины и занимался образовательными реформами. Так, он возглавил в начале века Первую высшую школу в Токио. Он показал таланты и дипломата, и эксперта по международным делам — после Первой мировой войны он был советником Лиги Наций, а с 1929 года и до смерти руководил Институтом связей стран Тихоокеанского региона в Токио. Можно сказать, что он был образцовым «окциденталистом», как были на Западе «ориенталисты», специалисты по Востоку, служившие обычно дипломатами и правительственными экспертами. Американский социальный философ палестинского происхождения Эдвард Вади Саид, автор книги «Ориентализм» (1978), сетовал на то, что на Западе было много ориенталистов, целые школы специалистов по Востоку, которые обеспечивали успех колониальной администрации и колониальных войн — а вот окциденталистов, восточных специалистов по Западу, которые могли бы заставить Запад разговаривать со своими странами на равных, было мало. Саид связывал с ориентализмом создание эстетизированной идеологии захвата: представляя или социально вообразая Восток одновременно изнежен-

Бусидо: кодекс чести самурая

ным, инертным, коварным и непредсказуемым, ориенталисты превращали западный рационализм в колониальную силу.

Но все же окциденталисты были в разных поколениях: так, в России первой трети XIX века дипломаты, как Грибоедов в Персии, или миссионеры, как Иакинф Бичурин в Китае, давали слово Востоку, показывая, что он вовсе не мир сказок, неизменных веками, но очень деловой и дельный мир, способный многому научить Запад. Барон Павел Львович Шиллинг, знакомый Пушкина, дипломат и инженер, считал, что, соединяя опыты с электричеством, принцип телеграфного сообщения и код китайских иероглифов, можно добиться великого прогресса всех наук. Культ Китая был и раньше, в Европе эпохи барокко: такие философы барокко, как Атанасиус Кирхер и Готфрид Вильгельм Лейбниц, восхищались конфуцианским порядком, книжной цивилизацией Китая, и противопоставляли разрозненной Европе китайскую продуманную и работающую без сбоев ученость. Для них именно Китай, а не Европа был цивилизацией.

Другое дело, что, как признает и Саид, для человека из Китая или Японии было трудно объяснить западным людям развитие своей страны: для этого надо было овладеть университетской философией — а университеты вплоть до реформы братьев Гумбольдтов в Германии начала XIX века представляли собой закрытые корпорации, куда брали только европейских христиан. Только развитие политехнических школ, победа экспериментальной позитивистской парадигмы в исследованиях и дифференциация факультетов

Бусидо: кодекс чести самурая

с появлением новых технических наук позволила во второй половине XIX века китайцам и японцам приезжать на Запад, учиться техническому ремеслу, но одновременно участвовать в университетских дискуссиях. Именно позитивистскую философию Герберта Спенсера и Джона Стюарта Милля везли китайцы и японцы в последней четверти XIX века в свои страны, вместе с военно-инженерным делом. Но некоторые принимали христианство, видя в нем универсальный гуманизм и универсальный язык для все более тесно связанного коммуникациями мира.

Одним из таких и был Нитобэ. Он, как христианин строжайших правил, протестант, критически относился к позитивизму. Он доказывал, что бусидо не противоречит ни в чем христианству просто потому, что требует постоянных усилий над собой, — это не какое-то готовое мировоззрение, но ряд практик, каждая из которых позволяет и очищать чувства и разумнее относиться к собственной данности. Поэтому бусидо, при всей его суровости и ярости, в конце концов учит любить ближнего как самого себя, учит золотому правилу библейской и евангельской нравственности. Если Евангелие — это переживание спасения, то бусидо — переживание своей собственной явленности как спасенного, что ты можешь рыцарски отнестись к себе, что ты можешь стать себе другом и обрести дружбу учителей и учеников.

Бусидо для Нитобэ совершеннее античной этики — античная этика требует друга и подражания другу, тогда как в бусидо каждый сам себе друг, а встреча с Учителем или учениками, друзьями и боевыми това-

Бусидо: кодекс чести самурая

рищами — это подарок, праздник, а не некоторая готовая историческая ситуация для памяти потомков, как в Античности. Нитобэ подчеркивает, как по-разному читают книги европейцы и японцы. Европейцы смотрят на характеры героев и если отождествляются с ними, то с их моральным пафосом: чужой характер на себя не наденешь. Японцы же поневоле разыгрывают книгу, оказываются внутри ее, внутри прохождения судьбы то с одним, то с другим героем (как сейчас геймеры проходят компьютерные игры). Это не взгляд на статичный статуарный характер, но разыгрывание знаков чужой судьбы как своей. Тогда каждый может стать сам себе другом, ожидая спасения от многих и принимая спасение как самый драгоценный подарок. Поэтому, считал Нитобэ, японцы, наследники самураев, могут все стать не просто христианами, а стать самыми благодарными христианами, обогатив переживаниями буддизма и синтоизма христианские образы аскезы и святости.

Эта книга — одно из лучших введений не только в японскую культуру, но и в сущность аристократизма и сущность религии. Тем показательнее, что она создана на закате аристократизма, в год, когда многим казалось, что и религия уступит место положительному знанию или же новому мистическому синтезу. Нитобэ стоял на грани нового религиозного сознания, убеждений начала XX века, что развитие коммуникаций, скоростей и новое отношение человека к своему телу приведет к вспышке религий и созданию всемирного благочестия, настоящей религии вселенского чувства и океанического переживания всеобщего спасения.

Бусидо: кодекс чести самурая

Крест Христа тогда на свои концы примет океан буддистской, конфуцианской, даосской, синтоистской мудрости, мистику разных конфессий и разных веков.

Нитобэ был человеком по-протестантски сдержанным, метод для него был важнее и правдивее мечты. Но читая его книгу, мы думаем не только о японцах и Японии, в том числе современной (в наших примечаниях читатель найдет немало и о современной Японии), но и о той поэзии мысли, которая заставляет нас, размышляя о себе, понимать и всю мировую философию. Поэзия мысли открывает философию как окна в нашу душу, а наша душа, занимаясь собой, делает многие века и континенты философии более чем занимательными.

*Александр Марков
профессор РГГУ*

Предисловие к первому изданию

Около десяти лет назад я провел несколько дней в гостеприимном доме выдающегося бельгийского юриста, покойного профессора де Лавелье. На одной из прогулок мы вдруг заговорили о библейских заповедях. «Вы хотите сказать, что в ваших школах дети не обучаются религии?» — спросил меня досточтимый профессор. Я подтвердил это. Он вдруг остановился. «Но как же еще дети узнают о моральных ценностях, если их не обучать религии?» Я до сих пор слышу то недоумение, с которым он задал мне этот вопрос. Я был обескуражен и не нашел тогда, что ему ответить. С самого раннего детства я получал нравственное воспитание отнюдь не в школе, но лишь начав анализировать собственные представления о добре и зле, понял, что обязан ими тому, что дышал воздухом бусидо.

Кроме того, моя жена-американка часто спрашивала меня, почему у японцев такие обычаи, откуда у них такое мировоззрение. Это тоже подтолкнуло меня к написанию книги.

Пытаясь ответить жене и профессору де Лавелье, я осознал, что без понимания бусидо и эпохи феодализма, нравственные принципы современной Японии остаются тайной за семью печатями.

После затяжной болезни у меня появилась возможность вспомнить ответы, которые я давал в наших домашних беседах, и изложить их в том виде, в котором они сейчас предстанут перед читателем. Большую часть из них я узнал из разговоров с родными еще в те времена, когда был совсем ребенком, а Япония жила в условиях феодализма.

Бусидо: кодекс чести самурая

Трудно заставить себя писать о Японии по-английски, если твоими предшественниками были мистер Лафкадио Хирн и миссис Фрейзер, сэр Эрнст Сатоу и профессор Чемберлен. Единственное мое преимущество перед ними состоит в том, что я могу занять место ответчика, тогда как эти почтенные авторы могли выступать лишь адвокатами и поверенными. Я все время ловил себя на мысли о том, что, имея их писательское дарование, я мог бы гораздо красноречивей изложить свои доводы о Японии. Но говорящий на чужом языке должен радоваться уже тому, что может выразиться вразумительно.

Чтобы помочь читателю с западным сознанием и образом мышления в понимании японских традиций, я использовал в книге самые разные примеры из европейской истории и литературы.

Некоторые мои представления о вопросах веры и духовенстве могут показаться оскорбительными, но надеюсь, что читатель не усомнится в моем отношении к христианству. Я отношусь без симпатии не к самому учению Христа, а к церковным практикам, затрудняющим его понимание.

Я верую в Христа и искренне разделяю Его заповеди, переданные в Новом Завете, а также верую в то, что Завет, именуемый Ветхим, Господь заключил со всеми народами — евреями и не евреями, христианами и язычниками. Но я постараюсь не обременять читателей своими религиозными взглядами.

*Инадзо Нитобэ,
Малверн, Филадельфия, декабрь 1899 г.*

Дополнительное предисловие к десятому и последующим изданиям

Все поправки и добавления в настоящем издании в основном сводились мною к конкретным примерам. Я по-прежнему сожалею, как сожалел всегда, что не смог добавить главу о Сыновнем долге, который считается одним из двух колес колесницы японской этики — преданности другим. Я до сих пор не могу понять, как смотрит на это явление западная культура и люди, воспитанные в ней, и потому не могу подобрать сравнений, которые бы в полной мере смогли проиллюстрировать мои сентенции; однако сейчас я не вижу способа сделать эту книгу лучше, чем она уже получилась.

*Инадзо Нитобэ,
Киото, 1905 г.*

Об авторе

Инадзо Нитобэ родился в 1862 году, был третьим сыном известной семьи самураев в городе Мориока на севере Японии. В десять лет начал изучать английский язык. Образование получил в Саппоро в сельскохозяйственной школе, а затем в Императорском университете в Токио. Позже уехал в Соединенные Штаты Америки, где с 1884 по 1887 год изучал политехнические дисциплины в университете Джонса Хопкинса. В 1890 году он получил докторскую степень в Университете Галле (Германия). В 1891 году Инадзо Нитобэ вернулся в Японию и опубликовал несколько книг на английском и немецком языках. С 1891 по 1897 год преподавал в сельскохозяйственной школе Саппоро, время от времени выезжал в Калифорнию и Пенсильванию, где и написал книгу «Бусидо — душа Японии», которая была опубликована в 1900 году.

С 1903 по 1919 год Инадзо Нитобэ был профессором в Императорском Университете Киото и возглавлял Первую Высшую школу в Токио. Сотрудничал с Лигой Наций после окончания Первой мировой войны. Руководил Институтом связей стран Тихоокеанского региона с 1929 по 1933 год. В 1933 году в составе японской делегации Инадзо Нитобэ посетил международную конференцию в Канаде, но во время нее заболел пневмонией и скончался в госпитале Викториа.